

Романы Николая Задорнова,
опубликованные
Издательством АЗБУКА:

МОГУСЮМКА И ГУРЬЯНЫЧ

АМУР-БАТЮШКА

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

ДАЛЕКИЙ КРАЙ

ПЕРВОЕ ОТКРЫТИЕ

КАПИТАН НЕВЕЛЬСКОЙ

ВОЙНА ЗА ОКЕАН

ЦУНАМИ

СИМОДА

ХЭДА

ГОНКОНГ

ВЛАДЫЧИЦА МОРЕЙ

ВЕТЕР ПЛОДОРОДИЯ

ВЛАДИВОСТОК

Николай Задорнов

САГА О РУССКИХ АРГОНАВТАХ

ВЛАДЫЧИЦА МОРЕЙ
ВЕТЕР ПЛОДОРОДИЯ
ВЛАДИВОСТОК

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
З 15

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

Задорнов Н.

З 15 Сага о русских аргонавтах. Владычица морей ; Ветер плодородия ; Владивосток : романы / Николай Задорнов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 896 с. : ил. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-34650-5

Николай Павлович Задорнов (1909–1992) — известный писатель, автор исторических романов, повествующих об освоении Сибири и Дальнего Востока русскими первопроходцами (трилогия о капитане Невельском, романы «Амур-батюшка» и «Золотая лихорадка»). К позднему этапу творчества Н. П. Задорнова принадлежит масштабный цикл, который сам автор называл «Сагой о русских аргонавтах». Настоящий том не только завершает «Сагу», но и подводит итог долгому творческому пути автора, оканчиваясь неопубликованным при жизни романом «Владивосток».

В трех произведениях, вошедших в эту книгу, ярко показана борьба России и Западных стран за господство над богатыми землями Приморья и за право торговли с Китаем. Здесь читатель вновь встретится с любимыми героями прошлых романов Н. П. Задорнова, узнает об их дальнейшей судьбе, об обстоятельствах заключения знаменитого Айгунского договора, установившего границу между Россией и Китаем по реке Амур, а также прочтет увлекательный рассказ об основании Владивостока, чье политическое и культурное значение для России трудно переоценить.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-34650-5

© Н. П. Задорнов (наследники), 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

КНИГА ПЕРВАЯ

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Глава 1

ЗЕЛЕНый ОСТРОВ

Суровый был ей дан учитель в науке славы...

А. Пушкин

Облака над морем и над берегом, разорванные ветром, шли белыми горами с плоскими днищами в один уровень, затененными до грозовой сини. В просветах проглядывала озерная голубизна. Солнце прикрыто, видимость в такую погоду отличная, словно умелый фотограф, задержав кое-где сукнами стеклянную крышу мастерской, заполнил ее ровным светом.

И душевная видимость сегодня отличная у лейтенанта Алексея Сибирцева, стоявшего у борта госпитального судна, шедшего из Южной Африки, ясней наблюдаешь в себе при этой прохладной погоде. Казалось бы, уже здоров, а выздоровление, видимо, продолжается. С заключением мира чувствуешь себя свободней. Алексей, как и все его спутники и товарищи, взят был в плен, но потом не считался пленным. Офицеры и экипаж погибшего в Японии фрегата «Диана» были задержаны в море, когда возвращались на немецком бриге. Они оказались потом в Гонконге¹. За минувший год судьба разбросала всех кого куда. Алексей возвращался в одиночестве с надеждой, что скоро попадет домой, оживал после тяжелой болезни; дома стены лечат. Временами он чувствовал себя как маленький мальчик, соскучившийся по папе с мамой и по своему углу. Вера ждет ли, помнит ли? Ведь, когда он уходил, она была почти ребенком, два года от нее не получал писем. Вера выросла, ей скоро девятнадцать. Признаем ли,

¹ Эти события изображены автором в романе «Гонконг».

понравимся ли друг другу? Чем ближе север, тем горячее рвется сердце.

А время идет медленно, и медленно катятся волны моря. Да, и до этого условия были сносные, грех жаловаться, не как у многих других. Про Алексея говорят товарищи, что он в рубашке родился. А болезнь все же была очень тяжелая; холера не шутка.

Долго тянулась волнистая синева берега в белых обрывах, как в солонцах. Проступали готические силуэты церковных башен, крыши ферм, стали разглядываться каменные изгороди. Ветер, сырость, прохлада. После тропиков все походит на петербургскую Россию.

Тускнеет прозелень волн, спокойней светит солнце во внезапно очистившемся небе, в сером по-северному море все больше судов и лодок. Идут они и идут, со всего света, сбиваясь у входов в порты. Такое иногда бывает, когда кончается полоса штормов, ветры разгоняют остатки ненастий и воздух обретает чистоту. Свой привычный климат.

Кажется, что до Петербурга — рукой подать. Там, под столицей, на заводе, ждут родители. Чувствует ли Вера мое приближение? Ветер с севера веет и веет ее девичьей нежностью.

Алексей уверен, что закалился, возмужал, стал старше, и уж не юность манит его: чем взрослей Вера теперь, тем лучше. А если отец спросит: что видел, чему научился? Мама смолчит, обижаясь за сына, неприятны ей будут намеки. Чему же учиться? Мы свое знаем и готовы умереть за веру, царя и отечество. Как в песне поется: «По твоим горам Балканским разнеслась слава о нас».

Подходим к маяку на острове. Алексей помнит это место. Перед островком большая мель, видно ее по мелкой рябой волне со всплесками; есть на карте, названа Лошадиным хвостом — Horse Tail. Тут есть и Dean Tail — то есть Фалда или Пола Настоятеля Собора, и Dean Elbow — Локоть Декана или Епископа. Кое-где буи, обсыхающие банки, островки. У одного стоит груженная баржа, и с нее сбрасывают камень в воду.

Когда мичманом уходил на «Диане» из Кронштадта, товарищей провожали жены и невесты с цветами и поцелуями, и матросов провожали жены с детьми и юные нежные подруги жизни

в платочках с младенцами на руках, обреченные на бесконечную разлуку и нищенство в общих бараках, на долю матросок; яркой простонародной толпой стояли они по стенке гавани поодаль от офицерского общества. А Вера — ребенок, постеснялась приехать к отвалу корабля. В Петербурге на бульваре подарила незабудки, поцеловала, разволновалась и сказала: «Я буду ждать!» Этого было достаточно, чтобы долго Алексей чувствовал себя счастливым. Письма пришли на сибирские порты в устье Амура через год, писала, что ждет и будет ждать, чувствовалась ее вера в него как в идеал. В письмах становилась смелей и старше. Прошло еще почти два года. Временами отходила в глубокую даль, слишком сильны были новые впечатления, и только в глубине сердца оставалась о ней устойчивая память. И надежда, что она юна и чиста и верно сохранит все наши душевные драгоценности; сам он обрзумится, вернется, и все будет как прежде. Теперь он шел к ней.

Тяжелые муки принял в болезни после трудов, наслаждений, утех, веселья и успехов в Японии, словно в наказание Божье. И в Гонконге. Заболел холерой на переходе оттуда. Долго лежал на корабле, был при смерти и спасен любовью товарищей и акуратностью лекарей. Их жесткий педантизм и порядок обернулись пользой и участием к молодому пленнику.

Потом лечился в Африке на Капском мысу, в умеренном климате.

Казалось бы, теперь все хорошо, но неприятное чувство нет-нет да шевельнется.

И вдруг горячий стыд охватил Алексея. Ведь он не мальчик, соскучившийся по дому, а, несмотря на двадцать два года, бывалый моряк, поживший в разных странах и, по циничному выражению французских офицеров, колониальных прожигателей жизни, «питавшийся» там «местными продуктами».

Сибирцев отпрянул от борта, прошелся по палубе и, бессознательно желая переменить вид перед глазами и настроение, ушел на корму.

Выйдя из-под тента, натянутого еще в тропиках, он увидел зелено-голубую даль моря в солнце; там было тепло, заманчиво, там была пройденная Атлантика.

Там были не просто «местные продукты». Сверстницы Алексея оказывались не безропотными и бесправными созданиями. Энн Боуринг была дочерью губернатора Гонконга.

Алексей жил среди разных народов, но с одинаково прочными нервами. Такими были и их женщины.

Но нужно переломить себя, взять в руки. Все забыть.

А пройденная Атлантика посылала привет, напоминала, что еще не все кончено, что еще с океаном рано прощаться, что где-то там, еще дальше, в южных морях, цветущие города на островах, где Алексея помнят и, может быть, ждут. Да, там был Атлантический океан, а за ним целый мир, и он манил к себе заново, напоминая, что годы прожиты не зря, что молодость еще не прошла, что, так долго и настойчиво набираясь сил и опыта, Алексей лишь готовился к чему-то большему, чего еще сам не мог угадать.

Было не просто увлечение, нельзя легко отбросить. Ах, если бы не сказал «да», отвечая на вопрос Энн, по сути, в такой решающий миг, когда означало, что дал слово, равное клятве. Нужны силы, чтобы теперь обрести себя, найтись. Неужели я так раним, что при воспоминании об Энн Боуринг чувствую стрелу в пятё?

Но может ли он забыть ее и вернуться к дням юности? Неужели это лишь инерция, привычка стремиться домой, к заданной цели...

Я обязательно вернусь к себе. Я так решил, возврата к слабостям не будет.

Алексей перешел обратно на старборт и стал смотреть на север. Корабль уже в заливе. Яхты падали остриями парусов на стороны, по всей его сини. Издали подступают форты и стены Портсмутской крепости. Церкви на берегах, мокрые газоны на крепостных валах блестят после дождя яркой зеленью, как шелка. И всюду зелень, леса и парки.

А ведь я подхожу к берегам, где выросла Энн, к стране ее детства и юности. Подплывающий остров напоминал о ней. Форты и стены вставали между Алексеем и Петербургом. Через них еще надо перейти в прямом смысле, и, образно говоря, тут еще многое придется передумать и перебороть в себе, прежде чем вернешься домой, в свой былой мир.

«Если поплыл на корабле, то уж обратно не вернешься!» — вспомнилась японская пословица.

Тогда был тяжкий день, когда владеть собой и даже отвечать за свои поступки невозможно, я был разбит, раздавлен. Гонконг праздновал победу над Севастополем. Для наших пленных известие было ужасным, ошеломляющим.

Но ведь порядочный человек и в час тяжких испытаний должен таким и остаться.

Энн чуть моложе Алексея. Знакомство началось на докладе в научном обществе. Потом они встречались, чувствуя себя ровесниками. Она не светская неженка, учит китайских детей в школе, говорит на их родном языке, читает иероглифы. Иногда помогала Алексею.

На параде, заметив опечаленного Алексея в толпе ликующих, Энн все поняла в мгновение и, как рыцарь, очертя голову бросилась на выручку. Она увлекла Алексея прочь из толпы и прочь из города. Они ушли на яхте. Она была нежна, как мать, а страсть оказалась так близка.

Энн пожертвовала собой ради его спасения. Верила ли она себе и мне? Она не думала об этом.

Она умело завязала разговор о его сыне в Японии. Цельная, искренняя натура.

Энн отбросила свойственную ей застенчивость, вся в трепете, но преисполненная решимости с жестокой беспощадностью к себе, с какой они воюют, а может быть, и грабят, или спорят... Какая у нее оказалась сила, отчаяние и зрелость.

...Она сказала, что пойдет в Японию и найдет его сына, что для нее в Азии нет ничего невозможного.

Освеженный ветрами морей и любовью, Алексей обрел силу. Горе тому, кто оскорбит эту доверчивость, поэтому, видно, так хорошо теперь на душе.

Ее отец — посол в Китае, губернатор Гонконга, самой богатой и при этом самой злодейской и воровской из всех колоний. Сэру Джону предстоит война, расправа с Китаем. Но он, как казалось Алексею, по-своему гуманен и не похож на злодея, и предстоящее предприятие ему не по душе. Но он решителен. И он уверяет, что

слишком оскорблен мандаринами. Может быть, там уже началось. Пока мы шли из Африки, известия о вспыхнувшей войне могли достигнуть Лондона через Суэцкий перешеек и далее по австрийскому телеграфу.

Но больше всего Алексей желал сейчас возвращения домой и хотел бы на все закрыть глаза и все забыть. Время излечит. Казалось бы, уж начали затягиваться душевные раны. Если бы не этот промах. Он дал ей слово! Но промах ли? Может быть, я не мог иначе? Все остальное пусть как было, но сказанная фраза, произнесенное признание. Но разве во фразе дело... Подлость?

Но разве с другими не бывает чего-то подобного? Разве сильные молодые люди в плаваниях не сносят все стойко и терпеливо? И неужели она встретит японку Оюки и найдет моего сына?

Но слова — это только слова. Я не смею придавать им мистического значения. Я должен прислушаться к себе, понять и решить, чего я хочу. А я это знаю. Я рвусь домой. Я должен возвратиться к себе, к Вере, цель моя ясна, и я совладаю с собой. Пусть это сочтется преступлением, но еще большим преступлением было бы решение поступить лишь ради данного слова и этим обмануть и себя и всех.

Очень может быть, Энн поступила не из чувства, а из убеждений. Она проявила высшую степень независимости и риска, желая спасти его. Но потом она спросила: «Могли бы вы жениться на мне?» Это было очень наивно, почти по-детски. Она не обнаружила гордости или разочарования. Уязвленная гордость еще может явиться в ней.

В своей бесчестности я должен притвориться, что поступаю честно? Или честней не перекладывать все на Веру, а сохранить тайну в себе, перебороть ее, справиться самому, как настоящему мужчине. Не прибегать к ее суду, зная, что простит и примет на себя грех и тяжесть, себе на муку.

А на палубах полно: выздоравливающие и здоровые, команда и прислуга, белые, негры, индусы и китайцы.

Подплывает тучный форт со скошенными стенами.

Начинается прилив. Ряды темных амбразур, таящих жерла орудий, оседают, проваливаются, словно прячутся в воду. Атлан-

тический прилив налетает, как шторм, его первая волна бьет в каменную стену с ураганной силой.

Госпитальное судно в кильватере кораблей, давая гудки, входило в пролив, глубоко врезавшийся в холмистые побережья. Форт с заплескавшими вокруг него волнами ушел за корму. Виден Спитхедский рейд с военными кораблями. Ничего не скажешь, движение большое, флот хорош. Но защита подходов к этой твердыне не очень крепка. Раненые офицеры, возвращавшиеся домой, уж говорили Алексею, что до сих пор полагались на свои корабли, а не на береговые укрепления, а теперь, после того как видели они Кронштадт и Севастополь, пора все менять, строить батареи на мелях среди моря, прикрыть надежней Портсмутский залив, чтобы вход простреливался. Опасаются своего же недавнего союзника, которого меж собой называют Бонапартом Малым, больше страшиться пока некого. В Гибралтаре брали раненых из Крыма. Офицеры рассказали много новостей. Войска из Балаклавы и Севастополя отправлены в Гонконг и в Индию, там восстание. В Крыму больше неприязни испытывали к союзникам, чем к русским. С Алексеем держались просто, узнали, что плавал на британских кораблях в Китайском море. Нашлись общие знакомые.

При этом, как знал Алексей, долгу своему послужить умеют, в деле оказываются опасными противниками, обнаруживают единство с союзниками. Полагаться на их разногласия нельзя, и нельзя питать никаких иллюзий, как бы благожелательны ни были. Народ, привыкший к морским ветрам и устойчивый к переменам погоды. Море их растило и воспитывало веками. Знают, что без опасностей не проживешь. Умеют воевать, знают хорошо оружие. Еще герцог Веллингтон, победитель Наполеона, говорил: «Мы насильно хватаем парней из городского отребья, а превращаем их в образцовых солдат».

Вокруг выздоравливающие из Китая, Индии, Африки, участники подавления индийских смут, зулусской войны. Со многими перезнакомился Алексей, единственный русский среди них.

Есть тут и «цветные» офицеры, по большей части пенджабцы. Есть и пассажиры: царек из Африки, со своей свитой в белых хламидах.

Вчера капитан корабля сказал Алексею, что два года не был дома, не видел жены и детей. Судно мобилизовано на время войны. Теперь опять пойдет на коммерческие линии. Сказал и ушел в сдержанной озабоченности во тьму палубы, в сеющий теплый дождь.

А кораблей все больше. Купцы идут с моря и уходят в плавание. Под флагами разных стран, чаще всего попадается Union Jack, флаг Соединенного Королевства. Американский гигант, как сам Новый Свет, под звездным флагом, сбавляя ход и пыхтя сильной машиной, держит курс в вершину пролива, к коммерческому порту Саутгемптон. Идет при полной загрузке, набит товарами до отказа. Как всегда, военное дело живет у британцев в согласии и соседстве с торговлей.

Брат Джонатан, так называли в Англии американцев, гулко затрубил, приветствуя форты и берега, когда-то выжившие, изгнавшие отсюда его святых предков. Как бас-солист в хоре труб со всего мира. Чем не торговля и промышленная реклама Соединенных Штатов.

Слева по борту — пароход с пушками, стоит на якоре. Справа по борту, за ползущей мимо крепостной стеной, возвышается башня кафедрала Святой Девы Марии. Там, напротив нее, в улочке, есть таверна, куда якобы заходил Нельсон. Впрочем, тут во всех портах многие таверны этим заманивают моряков. Когда на «Диане» пришли сюда впервые, то молодежи все казалось очень далеким от Кронштадта и надолго покинутого Петербурга.

Дальше, справа по борту, от низкой арки в крепостной стене отходит и тянется длинный Королевский Мол, как проспект из серого камня, проложенный высоко над волнами. На окончании мола опускаются в море каменные трапы в несколько пролетов, по которым королева во время морских парадов сходит на катер. Строен с запасом, с расчетом на здешние перемены глубин. Волны прилива уже наинулись на каменные лестницы, стали заглатывать их, втянули весь нижний пролет.

Трехпалубные деревянные линейные корабли «лежат» на якорях. Паровые фрегаты стоят борт о борт, в сплошной блеск сливаются их новые стальные орудия.

— Sir... Captain...¹ — сказал матрос, подойдя к Сибирцеву. Зачем-то приглашали наверх, в рубку.

— Посмотрите, идет «Гималайя», — встречая Алексея, сказал моложавый капитан, показывая на море. Сибирцеву подали «шпионские стекла». Алексей увидел в овале бинокля шедший к выходу под парами многомачтовый корабль, набитый людьми, длинный и, право, похожий на Гималайский хребет.

— Гигант и быстроходен. Четыре тысячи тонн и машина в тысячу лошадиных сил. Двойной винт. Работал на индийской линии, мобилизован в войну, произвел такое впечатление на Адмиралтейство, что купили для перевозки войск.

Опять британцев куда-то везут на войну...

— Есть еще судно «Great Eastern»², — продолжал капитан, — чудовище в девятнадцать тысяч тонн. Шесть мачт. Самое большое в мире. Двигается одновременно колесами и двумя винтами. Четыре тысячи лошадиных сил. Но оказался неудобен для коммерции, идет пять-шесть узлов, вдвое тише, чем предполагалось.

С Алексеем все дружественны, обращают его внимание на что-нибудь интересное, показывают новинки. Но он не смеет обольщаться. И не только потому, что по неписаному уставу он обязан соблюдать сдержанность с недавними противниками, тем более с англичанами. Алексей знал и другое, что если с ними заговоришь о России, о том, что делается внутри нашей страны, о крестьянах и, уж не дай бог, о казаках, то неизбежно вызовешь молчаливое отвращение. Это все не для них. Даже русское искусство, литература, театр их не интересуют совершенно, словно их и нет. Тут можно жить только их интересами. Они принимают Алексея как европейца, близкого себе по цвету кожи и привычкам, и только так. Кажется, в нем усматривали исключение, зародыш противовеса нашему самодержавию. Он улавливал и такие нотки, хотя ни единого плохого слова о России не приходилось слышать.

К тому же сам он страстно желал вернуться домой и забыть все, что произошло в Гонконге. С Японией, кажется, проще, но это, может быть, только кажется.

¹ Сэр... Капитан... (англ.)

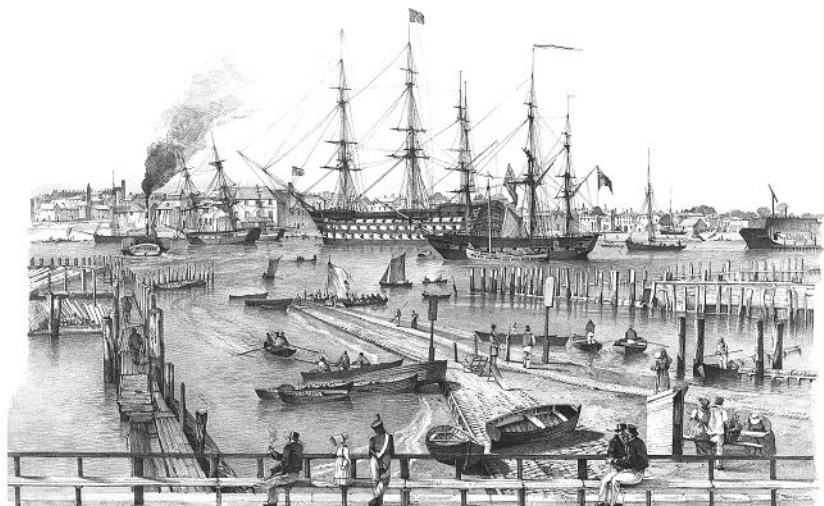
² Букв.: «Великий Восточный» (англ.).

С левого борта видна другая сторона пролива, остров Вайт. Башня нового королевского дворца возвышается над лесом. Виктория и ее муж принц Альберт живут напротив морской крепости, рядом с флотом. Виктория, как говорят, предпочитает эту резиденцию Виндзору и Букингему. Ради детей, безопасности, отдаления от возможных городских бунтов.

Офицеры, радуясь близкому дому, говорили с Алексеем оживленней и все показывали. Да Алексей тут и сам был и многое помнит. На Вайте веселые курортные городки с театриками, где офицеры весело проводили время, и со множеством магазинов и лавок, купания на отмелях, а дальше, наверно, фермы, рощи, стада молочного скота, поля, сады и огороды. Есть и особняки, и дворцы, сдающиеся внаем. Любимые места летнего отдыха аристократии. «Эгоистическая чистота», как говорят наши русские, бывающие здесь.

А вон городок Каус: на мысу, на бугре, много низких красных черепичных крыш, издали похожих на божьих коровок. Над ними видна гордая башня знаменитого королевского яхт-клуба. Каждый июль съезжаются сюда яхтсмены. И наши высочайшие особы тут как свои. Царь Николай до войны был избран лордами президентом этого яхт-клуба и, гоняясь на яхте вокруг Вайта, взял на регате первый приз. Вон и двенадцать медных пушечек на широкой полукруглой террасе у подножия лестниц яхт-клуба чуть поблескивают у пролива.

Все это вместе на обоих берегах и есть Портсмут — английский Кронштадт, святая святых владычицы морей. Военно-морской гигант, откуда выходили эскадры на все войны; корабли, одержавшие победы в Средиземном море, Атлантическом океане и Ла-Манше. Со Спитхедского рейда ушел Нельсон на своем трехдечном девяностопушечном «Виктори», одержавший победу при Трафальгаре и павший на палубе своего корабля, смертельно раненный под конец битвы. До сих пор англичане винят в коварстве своих бывших противников, утверждая, что те метили в храброго адмирала, мстя за свое поражение. «Терроризм чужд британцам, это не способ наших действий, — говорят они, — мы никогда не бьем противников на выбор». Со Спитхеда и в эту войну эскадры

Портсмут, 1834

ходили на Кронштадт, Свеаборг и под Севастополь. Тут обитель наших недавних противников, чьими чувствами к России мы не смеем пренебрегать. При виде всего этого и в нас может вспыхнуть отвага русских витязей и память о нашей тысячелетней истории, напоминая о долге и военной чести. Как оборотная сторона выставленного напоказ могущества, Алексею в близине стен и замков Портсмута чудится Энн с ее крахмальной чистотой, осознанным гуманизмом и верой в людей.

«Но ведь это колониализм, Алеша», — скажут единомышленники в Петербурге. Наташа, сестра Веры, например, осмеет меня. Ее идеал — это беспощадная борьба, уничтожение эксплуататоров, врагов человечества везде и всюду. «И тут, Алешенька, не до сантиментов и не до любования красотой усовершенствованных машин и оружия! Как ты все это совместишь, дружок, в своей душе? Разве ты только начинаешь жить? Пора уж было что-то выбрать. Вспомни о голодном человеке!»

Но сейчас невозможно не думать об Энн. Это юное создание с сытыми щеками барышни-англичанки может показаться легкомысленным. Но лишь на миг. Она далеко не проста. Учительница

китайских детей в миссионерской школе, автор статей о нравственности китайского народа в журналах Лондона и Эдинбурга. В ней сила духа и стремление к справедливости. Под мощью такой благоустроенной власти и богатства здесь смеют протестовать, желать равенства для всех. У нас самих власть сильна, а военная сила, несмотря на поражение в войне, гораздо могущественней, муштра свирепей, требования к своему народу беспрекословно подчиняться, даже в ничтожных мелочах, жестче и бессмысленней. Что же нам винить их и замышлять для них изменения, когда перед самими непочатый край? Капитан «Дианы» Степан Степанович Лесовский, бывало, так говорил: «Англичан не учите, они сами знают, что делают».

Пройдя портсмутские твердыни, судно вошло в вершину залива.

Вот и Саутгемптон. Масса каменных домов, огромные деревья парка. На берегу непривычно много белых людей. Зелень как в колониях, а нет негров, индусов, китайцев, японцев, масса белых лиц, какое-то белое меловое население, как скалы прибрежных обрывов острова.

Алексей на берегу. Вокруг якорные цепи и канаты уходят в воду. Высокие борта и красные кирпичные пакгаузы. По трапу сошли сначала здоровые, потом сводили и сносили раненых. Рядом, с новенького нарядного парохода, выгружаются пассажиры из Франции. Дамы и барышни в шляпках и легких пальто, дети в мягких платьях и курточках, опрятные господа в цилиндрах. Подъезжают кебы, носильщики тарахтят тележками по камням.

Подали пароконные военные повозки. Из-под навеса на улице Алексею видны только вывески на нижних этажах. И каких тут только нет! Вокруг белые люди, одни лишь белые, и после колоний и плаваний это как-то странно.

В колониях белые редки, и среди массы цветных белизна их рук и лиц кажется слабостью. Негры, китайцы, индусы представлялись закаленными солнцем и невзгодами.

Белый не в силах так долго голодать, как негр или китаец, он изнурился и погибал. Алексей видел в Африке и в Америке, как

негры подолгу могли не есть и сохраняли работоспособность, как в Кантоне и в Гонконге терпеливо и безропотно сносили невзгоды китайцы. Когда белый в пустыне погибал от жажды, негры стояли длиннейшими очередями, терпеливо ожидая, когда ночью для спасения их подвезут бочку, чтобы получить по чашке воды.

Белые выдавались своими модными цилиндрами, скрутками, пробковыми шлемами, стеками, Библией, стеклами биноклей и очков, верховыми лошадьми. Они сохраняли положение своими знаниями, совершенным оружием, гимнастической ловкостью и быстротой соображения и оставались просветителями и пугалами. Многие белые, подолгу живя в тропиках, загорали и закалялись, принимая вид и крепость «цветных», и не желали возвращаться в свои дымные, болотистые отчизны. Они растворялись в огромном мире, нарождались целые народы метисов.

Сплошь и рядом нервные, чувствительные европейцы обучали колониальных рабов защищать свои права, возбуждали «цветных» на восстания против своих же белых.

Но как горсть слабых белых управляла целым миром и наводила всюду порядок!

Алексей решил, что отсюда напишет Энн, теперь у него ясней голова, нет слабости и путаницы в мыслях, нет страха угасания и припадков отчаяния. Он трезвым умом смотрит на все, хотя врачи твердо говорят, что ему еще надо лечиться. Он напишет ей еще раз, в последний раз. Подумал, что тогда, в Гонконге, на яхте, в день получения вести о падении Севастополя, среди моря и солнца он, казалось, поддался порыву. Но может быть, если бы теперь пришлось пережить все заново, то сказал бы искренне и то же самое. Просто напишет, где он и что с ним. Без всяких объяснений и признаний.

А через два дня, проведенных в больничном бараке для офицеров, Алексей Сибирцев, как дипломат, попавший по ошибке во время войны в плен, был отправлен в Лондон в один из лучших госпиталей.

...Паровоз загудел, и каменный Портсмутский вокзал, похожий на ферму в роще, стал отходить вместе с белыми лицами на перроне.

Глава 2 ЛОНДОН

Нет города в мире, который бы больше отучал от людей и больше приучал бы к одиночеству, как Лондон... Кто умеет жить один, тому нечего бояться лондонской скуки. Здешняя жизнь, так же как здешний воздух, вредна слабому, хилому, ищущему опоры вне себя...

А. Герцен. Былое и думы

В полупритворенное окно слышался щебет птиц. Ниже рамы, в ветвях большого дерева засвистал соловей. Хорошо в цветущем саду, а не хочется выходить. Вокруг люди, а поделиться не с кем. Слушать соловья, как в Японии, и почувствовать себя еще более одиноким. Сказать некому, что на душе.

Облокотившись на колени и подперев кулаками скулы, Алексей сидел в госпитальной палате, уставившись в стол, словно читая книгу. Соседи по палатам на свежем воздухе, наслаждаются на королевских газонах, среди дубов и буков.

В тихом пустом коридоре бывшего дворца слышались гулкие шаги по мрамору, словно скакал двуногий конь. Дверь распахнулась. Алексей вскочил, как матрос по свистку боцмана, и очутился лицом к лицу с джентльменом своего возраста.

— Лешка, ты? — вскричал по-русски англичанин и улыбнулся, подняв уголки рта, стиснув зубы, и оскалился, как собака, бросил цилиндр и распахнул руки в широчайших рукавах модного пальто.

— Колька! — остоленел Алексей.

Эванс! Товарищ по петербургской гимназии. Колька!

Раньше всех прознал дорогу в петербургские бильярдные. Прежде всех в классе начал курить. Добывал для сверстников мелкую контрабанду.

Когда-то, еще не зная, что Колька англичанин, Алексей заметил на уроках рисования, что у этого подростка необычайно правильные черты лица и форма головы, по виду он благороден и совершенен, при этом ловок до невероятности.

Однажды, когда стали постарше, Колька продал Леше барабанный пистолет за пять рублей. Барабан оказался неисправным, но соблазн был так велик, что Леша взял. Потом перед переходом в морской корпус выбросил его в Неву.

Колька первый среди подростков-петербуржцев прознал про опиум и показывал, как его курить. Вот еще когда! Вот куда дошло, теперь, побывав сам в Гонконге и Кантоне в опиокурилках, Алексей понимал, что все это означало и каков еще тогда был у Эванса торговый размах. А сам Колька ходил в потертых гимназических брючишках.

Эванс сбросил пальто. Галстук, сюртук, жилет, все на нем с иголочки, по последней моде, но с оттенком неряшливости, кажется — означает высший шик викторианской эры.

— Что ты меня осматриваешь?

По выговору, по размашистым объятиям и троекратному поцелую трудно представить себе более русского.

— В газете я прочел твое имя в списках прибывших в Саутгемптон из Африки. Я помню, что ты уходил в Японию к Путятину.

На столе появилась сигарочница.

— Так ты не ранен? Чем ты болен? На вид ты здоров, — сидя рядом и обнимая Алексея, спрашивал Эванс. — Ну, я твоему горю пособлю. Взгляни на себя: руки-ноги целы, голова на месте.

Алексей сказал, что ждет писем, хотел бы поехать в город, но его не выпускают.

— У тебя не было неприятностей в Гонконге?

— Были. С военной полицией. За то, что ездил с американцем в Кантон.

— Из-за этого тебя не будут здесь задерживать. Они такими пустяками не занимаются. Тем более из-за Гонконга, откуда еще никто сухим из воды не выходил. Будь что-то серьезное, тебя бы давно повесили или уморили. Но ты мне заговариваешь зубы с полицией.

— Больше ко мне никаких претензий не было.

— Ты врешь и не краснеешь.

— Тут не надо быть детективом...

— Англичанка?

— Да.

— На какой же адрес ты ждешь?

— Я написал с Мыса. Из дома могут писать на посольство.

— Моя жена ждет нас в семь часов вечера к обеду. Ты досыта наговоришься с ней, она москвичка и говорит слегка на «а»; очень

мило. На свете нет жен и матерей лучше русских. Это знают на Западе и на Востоке, но не в Москве и в Петербурге, где русские женятся черт знает на каких обезьянах. И ты не думай, что англичанка — это что-то особенное. Мой отец всегда хотел, чтобы я женился на русской.

— В госпитале я подчиняюсь заведенным правилам.

— Я тебя вызволю из этой путаницы. Помнишь, как ты играл в бильярдной с мошенником и мы с Собачниковым тебя вызволили? Уже тогда тебя все тянуло к морю. Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь. Инвалиды у ворот, узнав, что я разыскиваю русского, стали рассказывать про твои приключения в Японии и Китае и что тебя не признают пленным. Они гордятся, что у них без права выхода за ворота сидит такой русский. Видно, по госпиталю о тебе ходят лестные слухи. Не хотел бы ты убраться отсюда поскорей?

— Но как это сделать?

— С твоей репутацией ты можешь оказать больше пользы англо-русским отношениям, чем немец Бруннов... Настоящей пользы. Пока ты увлекался и совершал открытия в восточных морях, наша с отцом фирма втягивалась в новые виды бизнеса... ну, я тебе задам тот же вопрос, что, наверно, ты уже слышал от янки, которые помогли тебе в Гонконге.

Сигары и сигарочница исчезли со стола. Эванс положил на скатерть свои костистые белые руки, как бы открыто и всерьез приступая к основательному делу.

— Как твои денежные дела?

Алексей получал небольшое ежемесячное содержание от военного ведомства. У Эванса все средства в обороте, Николай занять не может. Война принесла убытки, но фирма не прогорела. Русский торг, как и многие фирмы, частично продолжали через третьи страны. Теперь восстанавливаются прямые торговые связи. Молодому Эвансу скоро ехать в Петербург. Начинается возмещение убытков. На учете каждый шиллинг.

— Но далеко не все доходы фирмы из России. Как говорят французы: «Нельзя все яйца класть в одну корзину». Паровозы успели переконструировать. Отец продал их в Канаду, чем поднес дулю янкам. Я получил хорошие знания по математике и физике в петербургской гимназии... и по коммерческой арифметике...

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ЗАДОРНОВ
САГА О РУССКИХ АРГОНАВТАХ
ВЛАДЫЧИЦА МОРЕЙ
ВЕТЕР ПЛОДОРОДИЯ
ВЛАДИВОСТОК

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Александра Сабурова
Корректоры Полина Малышева, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.10.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 54,88. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-44888-01-R